

Л. Леви-Брюль

**Сверхъестественное в
первобытном мышлении**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Леви-Брюль**
Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 534 с.

ISBN 978-5-458-35990-0

В центре внимания автора — известного французского философа, этнографа и психолога Люсьена Леви-Брюля (1857 — 1939) — проблемы природы человеческого мышления, культурной обусловленности его развития. Она содержит интересно подобранный материал, касающийся примитивных представлений о сверхъестественном и роли мифологии в первобытном сознании.

ISBN 978-5-458-35990-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

По утверждению Леви-Брюля, мир представляется первобытному мышлению, как некое сплошное целое, в котором естественное и сверхъестественное, мистическое и обыденное неразрывно связаны, вернее, слиты между собой. А так как всякая реальность для первобытного человека мистична, то мистично и всякое его восприятие.

Третья специфическая особенность коллективных представлений первобытного человека заключается, согласно Леви-Брюлю, в том, что они связываются между собой в примитивном сознании по закону, который Леви-Брюль называет законом партиципации (сопричастия) и который игнорирует обязательный для нашего мышления закон противоречия. Во всякой вещи, во всяком явлении мистически ориентированное первобытное сознание прежде всего и главным образом интересуется, согласно Леви-Брюлю, не объективными признаками и свойствами, а «мистическими» (мы бы предпочли сказать «сверхъестественными»), по отношению к которым та или иная вещь служит лишь проводником, а то или иное явление выступает как знамение или сигнализация. Одни и те же мистические силы или свойства приписываются примитивными людьми, по Леви-Брюлю, целому ряду вещей, притом иногда весьма различных по своим объективным свойствам. Как утверждает Леви-Брюль, первобытное сознание в сочетании или ассоциировании представлений руководствуется не реальными свойствами вещей, а «мистическими» силами, которые в них якобы действуют и которые для этого сознания являются единственными подлинно реальными причинами в мире вещей и явлений.

Европейские наблюдатели не раз наталкивались на такие странности в поведении «примитивных», которые совершенно озадачивали их, не поддаваясь никакому удовлетворительному объяснению. Самым популярным примером является случай, приводимый немецким путешественником Штейненом. Он натолкнулся на то обстоятельство, что южноамериканские бороро всерьез отождествляли себя с красными попугаями араара, хотя от них не могло ускользнуть объективное различие между людьми и попугаями.

Леви-Брюль приводит в своих работах множество примеров подобного рода. Исследователи отсталых племен и народов в разных частях света единодушно свидетельству-

ют о том, что первобытные люди считают изображения, независимо от того, написаны ли они красками, нарисованы карандашом или выгравированы или, наконец, изваяны, тождественными их оригиналам. Еще Кэтлин рассказывает, что североамериканские манданы верили, будто сделанные им зарисовки тождественны изображенным на них людям и животным. «Я знаю,— говорил один туземец про альбом Кэтлина,— что этот человек уложил в свою книгу много наших бизонов, и теперь у нас не будет больше бизонов для питания». Точно такое же отождествление совершается и в отношении человека, с одной стороны, и его имени или тени, с другой. У туземцев Фиджи считается смертельной обидой наступить на чью-либо тень, а в Западной Африке злоумышленник, изобличенный в пронзании тени человека гвоздем или ножом, подвергается казни, ибо, пронзая тень человека, он посягает на жизнь самого человека.

Не менее загадочным оставались для исследователей самые неожиданные ассоциации причинно-следственного характера, устанавливаемые первобытными людьми, между различными вещами и явлениями. В качестве образца бесчисленных сообщений этого рода достаточно привести следующий рассказ путешественника Пэжуэль-Леше о туземцах Лоанго: «После высадки католических миссионеров прекратились дожди, и насаждения туземцев начали страдать от засухи. Население вбило себе в голову, что в засухе повинны миссионеры и особенно их длинные рясы (сутаны). В другом месте выгрузка на берег белой лошади приостановила всякие торговые сделки и вызвала продолжительные переговоры. Блестящий резиновый плащ, странная шляпа, кресло-качалка способны вызвать самые худшие подозрения. Один торговец имел много неприятностей за то, что он для флага заменил кривой шест из местного дерева мачтой из привозного дерева»¹.

Особенно много хлопот доставила буржуазным исследователям первобытной культуры магия с ее бесчисленными обрядами. Никакие хитроумные теории и догадки не в состоянии были объяснить того факта, что люди с неповрежденным рассудком, как бы ни были они невежественны и от-

¹ Pechuël Loesche — Die Loango Expedition 1879—1907. В I, S. 176.

стали, могут быть всерьез убеждены в действенности своих магических манипуляций над изображениями животных или врагов. Столь разнообразные и подчас весьма причудливые обряды и приемы подражательной или контактной магии казались исследователям загадочной аберрацией человеческого сознания. Все эти странности Леви-Брюль пытается объяснить «мистичностью» первобытного мышления и лежащим в его основе законом партиципации. Попугаи араара являются одним из тотемов бороро; поэтому мистическая сила, пребывающая в араара, пребывает в группе людей соответствующего тотема и в личностях, из которых она состоит. Вот почему мистически ориентированное мышление бороро отождествляет людей и попугаев. Всякая редкая вещь, всякое необычайное явление служат для первобытного восприятия проводниками или знаменами сверхъестественных сил, то благотворных, то вредоносных. Вот почему туземцы Лоанго установили прямую связь между никогда не виданными длинными рясами миссионеров и засухой. Так как изображение кенгуру представляется «мистическому» мышлению тождественным самому животному, то австралийцы, проделывая те или иные манипуляции над изображениями кенгуру, убеждены, что действие этих манипуляций скажется и на самих животных. И так далее и так далее.

Партиципация, сопричастие, т. е. общность мистических свойств, может устанавливаться между предметами и явлениями путем переноса, прикосновения, передачи на расстоянии и целого ряда других приемов и операций. Мистически ориентированное первобытное мышление совершенно равнодушно к требованиям логики. Оно не видит нелепости в том, чтобы отождествлять два объективно различных предмета или часть с целым, если оно усматривает в них общность мистических сил и свойств.

Таким образом, мышление первобытного человека, находящееся в плену, согласно Леви-Брюлю, коллективных представлений, мистических по своему характеру и подчиненных закону партиципации, оказывается не только мистическим, но и прелогическим, или дологическим. Оно мистично по содержанию своих представлений, оно прелогично по характеру их сочетаний и сплетений. Оно игнорирует свидетельства повседневного опыта, оно интересуется и руководится лишь мистической сопричастностью между ве-

щами и явлениями, оно без затруднения допускает многочисленные, многопостасность любого объекта, оно не видит ничего невозможного там, где приходит в действие «аффективная категория сверхъестественного», т. е. сильная, заполняющая все сознание эмоциональная волна, порождаемая всем, что имеет отношение к сверхъестественному миру, к миру тайных сил и свойств, превосходящих человеческую мощь, не укладывающихся в рамки обыденности.

Во всех своих работах Леви-Брюль неизменно подчеркивает невозможность дать средствами наших «цивилизованных» языков адекватную характеристику первобытного мышления. «Когда наблюдатели описывали и регистрировали институты и верования, обнаруженные ими у низших племен, они пользовались (да и как могло быть иначе?) понятиями, которые казались им соответствующими подлежащей описанию реальности. Однако именно потому, что это были понятия, окруженные логической атмосферой, свойственной европейскому мышлению, манера выражения европейских наблюдателей деформировала и искажала то, что она пыталась выразить. Перевод являлся здесь равносильным измене»¹. Первобытное мышление в понимании Леви-Брюля имеет свою «иррациональную» логику, почти непроницаемую для наших логических категорий.

Вот к чему сводится в основном концепция Леви-Брюля. Ее необходимо иметь в виду, приступая к чтению последних работ его, представляющих, несомненно, огромный научный интерес.

Считая эти положения и установки не только известными читателю, но и обязательными для понимания рассматриваемых явлений дикарского и варварского быта, Леви-Брюль в последних работах воздерживается от всякой полемики, от выпячивания своей принципиальной позиции, от теоретических рассуждений. Уверенный в правильности предложенной им «рабочей гипотезы» для объяснения первобытного мышления, Леви-Брюль дает в этих работах многочисленные остроумные и интересные образцы применения на практике своей «рабочей гипотезы». С замечательным мастерством Леви-Брюль, словно ланцетом искус-

¹ Леви-Брюль — Первобытное мышление. 1930, стр. 291.

ного хирурга, поднимает пласт за пластом в подобранном им этнографическом и фольклорном материале, и там, где на первый взгляд нет ничего, кроме причудливого натромождения пестрых верований и обрядов, порожденных капризом невежественной и необузданной фантазии, выступает наружу своеобразный «порядок», своеобразная «система», по-своему оправданное и осмысленное сцепление отдельных элементов. Обе работы («Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении» и «Первобытная мифология»), по существу, посвящены одной и той же теме и являются продолжением одна другой. Вот почему мы, несмотря на то, что по-французски они вышли раздельно, сочли возможным и целесообразным объединить их под общим заглавием.

Первая работа посвящена, так сказать, религиозной практике, культу в узком смысле слова у примитивных племен разных частей света. Магические процедуры, пляски и церемонии, очистительные и искупительные обряды, культ предков, обращение с покойниками,— таков тот материал, который подвергнут анализу в первой работе. Мы даем ее почти целиком, опустив лишь те разделы (гл. VII, X и XII), где Леви-Брюль не дает в теоретическом отношении ничего нового по сравнению с другими исследователями или где фактический материал, на который не скупится автор в этой работе, не представляет интереса в смысле свежести и новизны (таков раздел, посвященный обрядам, связанным с кровью, с родами, с трауром, о которых имеется богатый материал у Тэйлора, Фрэзера и др.). Что же касается второй работы, то она состоит из двух частей: одна дает анализ мифологии австралийцев и папуасов, другая посвящена фольклору этих же племен. Мы даем здесь только первую часть, посвященную, так сказать, религиозной теории или догматике этих стоящих на крайне низком культурном уровне племен. Особенности мифического мира, общие черты в облике мифических героев, сакральный смысл примитивной мифологии, место мифов в повседневном дикарском быту,— все это рассмотрено и описано у Леви-Брюля так стройно, последовательно, убедительно и оригинально, что читатель испытывает настоящее умственное наслаждение, следя за изложением автора. Часть работы, посвященную фольклору, мы опустили, как выходящую за пределы

первобытной религии. Так как, однако, выводы, к которым приходит Леви-Брюль в результате рассмотрения австралийских и папуасских сказок, ярко иллюстрируют общую концепцию этого ученого, то мы считаем нелишним привести здесь короткое резюме этой части, данное самим Леви-Брюлем в его статье, помещенной в журнале «*La nouvelle revue française*».

«Наши деды,— говорит Леви-Брюль,— относили мифологию к области сказок. Да и мы сами, когда читаем мифы, будь то хотя бы мифы примитивных, не в состоянии удержаться от отнесения их к категории легенд и сказок. Подобное сближение или ассимилирование можно считать вполне обоснованным, если только правильно, т. е. иначе, чем это принято, понимать и мифы и сказки. Бесспорное родство мифов и сказок объясняется тем, что и те и другие порождены одним и тем же «примитивным» мышлением. Сказки — это «дезаффекированные» мифы. В наших цивилизациях религия, с одной стороны, философия и наука, с другой, мало-помалу вытеснили за пределы реального мифический мир, занимающий столько места в жизни примитивных. Однако он не исчез. Он удивительным образом сохранился в фольклоре. «Сверхприрода» с присущими ей особенностями, со всем, что населяет ее в мифах, живет еще в народных сказках самых различных обществ всего мира, включая и наше. Эта устойчивость и универсальность заставляют задуматься. Чем объясняется то обстоятельство, что везде так увиваются сказками, которым столь мало заботы относительно чудес, о которых они рассказывают, относительно психологического правдоподобия персонажей, которые в них фигурируют. Это объясняется, может быть, тем, что мифы и сказки являются близнецами, будучи рождены одним и тем же примитивным мышлением. Последнее и ныне еще господствует в том представлении о природе, какое существует у многих обществ. У небольшого количества обществ длительное влияние благоприятных обстоятельств создало условия для развития философии и знания, а также и критического разума. Образованные классы усвоили здесь умственные навыки, которые не мирятся с тем, что мифический или фольклорный мир с его «текучестью» и чудесными превращениями может составлять часть реальной действительности. Однако такое исключение

мифического мира, хотя оно и основано на разуме или, вернее, потому, что оно основано на разуме, требует от нас принуждения в отношении себя или, согласно модному выражению, вытеснения стремлений, которые, будучи предоставлены сами себе, ориентировали бы сознание совсем в ином направлении. Вот откуда очарование и пленительность того языка, на котором с нами говорят сказки фольклора. Слушая их, мы с наслаждением покидаем рационалистическую позицию, мы выходим из повиновения требованиям разума, мы чувствуем себя снова уподобившимися людям, которые некогда (как и нынешние обитатели многих стран) считали мистическую часть своего опыта такой же реальной, как и положительную, или даже еще более реальной, чем она. Это не простая забава, это даже не передышка, это — временное расторможение»¹.

Каково научное значение всей концепции Леви-Брюля и его последних двух работ для изучения первобытной идеологии?

Труды Леви-Брюля получили большой резонанс в самых разнообразных кругах. Не говоря уже об этнологах, филозофах, психологах, даже в художественной литературе встречаются ссылки на Леви-Брюля. Апологеты расизма также пытаются использовать некоторые выводы Леви-Брюля в интересах своего человеконенавистнического учения о «высших» и «низших» расах, о психической неполноценности целых народов и классов.

Ленц, Иенш, Бенн, Хиллебранд и прочие «ученые» лакеи фашистской диктатуры не прочь использовать некоторые выводы Леви-Брюля (несмотря на то, что он «не ариец»), с одной стороны, для борьбы с «марксистским интеллектуализмом», с другой, — для обоснования гнусной теории о расовом превосходстве «арийцев», для оправдания колониального грабежа.

Разумеется, Леви-Брюль субъективно ни в малой мере не повинен в таком использовании его теории, как повинна научная генетика в том, как извращают и искажают ее фашисты. Леви-Брюль как-раз принадлежит к тем предста-

¹ Levy-Bruhl — Sur la mythologie primitive. «La nouvelle revue française» № 250, 1934, стр. 72—73.

вителям радикальной западноевропейской интеллигенции, которые не замыкаются в сфере чисто академических интересов. Когда недавно в Париже среди писателей и ученых происходила дискуссия о том месте, которое должны занять «клерки» (люди творческого умственного труда) в современной классовой борьбе, Леви-Брюль в ответ защитникам «нейтральности» и «аполитичности» заявил: «В новое время не было «клерка», который был бы большим «клерком», чем Спиноза. Но этот мудрец горел воодушевлением и страстно желал торжества справедливости. Как ни был он слаб телом, пришлось однажды силой помешать ему выйти на улицу, куда он устремился, не взирая на сильнейшую опасность, грозившую его жизни»¹. Леви-Брюль, в свое время находившийся в близких отношениях с Жоресом, всегда живо откликался на зов «улицы», на общественные вопросы современности. В последние годы его имя неизменно фигурирует во всех публичных выступлениях радикальной интеллигенции против войны и фашизма. Леви-Брюль неоднократно протестовал против использования национал-фашистами его трудов о первобытном мышлении². Еще в 1930 г., в предисловии к русскому изданию «Первобытного мышления» он пишет: «Уместно будет предостеречь читателей против недоразумений, появлению которых до сего времени не смогли помешать мои оговорки и которые, несмотря на мои разъяснения, часто возникают вновь. Выражение «прелогическое» переводят термином «алогическое», как бы для того, чтобы показать, что первобытное мышление является нелогическим, т. е. что оно чуждо самым элементарным законам всякой мысли, что оно неспособно осознавать, судить и рассуждать, подобно тому, как это делаем мы. Очень легко доказать обратное. Действительно, первобытные люди весьма часто дают доказательства своей поразительной ловкости и искусности в организации своих охотничьих и рыболовных предприятий, они очень часто обнаруживают дар изобретательности и поразительного мастерства в своих произведениях искусства, они говорят на языках подчас очень сложных, имеющих иногда синтаксис столь же тонкий, как и в наших языках,

¹ «Les Nouvelles littéraires», № 692, 1935.

² См., напр., журнал «Regards» № 45, 1934 г., стр. 4.

а в миссионерских школах индейские дети учатся так же хорошо и так же быстро, как и дети белых. Кто может закрывать глаза на столь очевидные факты?»¹. Леви-Брюль, таким образом, отмежевывается от всяких попыток использовать его труды в реакционном и откровенно-расистском духе. Но тот факт, что, «несмотря на разъяснения», его теория не перестает порождать «недоразумения», объясняется органическим пороком позитивистской методологии Леви-Брюля. Леви-Брюль не может правильно объяснить исследуемые явления; это дает возможность использовать его материал в таком направлении, которого автор отнюдь не имел в виду.

Крупнейшей заслугой Леви-Брюля является выявление эмоционального характера «коллективных представлений» первобытного человека о сверхъестественном; именно этому «аффективному» характеру они обязаны своей малой уязвимостью для законов формальной логики. Леви-Брюль собрал и великолепно систематизировал огромный материал, иллюстрирующий то, что он называет «аффективной категорией сверхъестественного». Он показал, что самые разнообразнейшие представления примитивных людей о сверхъестественном, при всей своей отрывочности и нечеткости, и все обряды первобытных людей, при всей своей пестроте и причудливости, имеют нечто общее, объединяющее их. Преобладающее место в этих представлениях и обрядах занимает обычно тревожное ожидание, совокупность эмоциональных элементов, которая самими первобытными людьми чаще всего характеризуется словом «страх». Классическая формула: «Первых богов в мире породил страх», наполняется у Леви-Брюля конкретным этнографическим содержанием. В свете этнографических фактов совершенно обоснованным является вывод Леви-Брюля: «Первобытные люди чувствуют себя окруженными множеством невидимых и сверхъестественных сил, которые в любое мгновение вмешиваются в обычный порядок вещей и от которых, следовательно, зависит успех или неудача предприятий, счастье или несчастье, жизнь или смерть. Какое-нибудь незаурядное, внезапное событие, непривычная походка какого-ни-

¹ Леви-Брюль — Первобытное мышление. 1930, стр. 4 (курсив мой. — В. Н.).

Будь животного, ненормальный рост какого-нибудь растения, причудливая форма какой-нибудь скалы, словом, все несбыточное служит откровением присутствия и действия какой-нибудь из этих сил, все это приобретает вещей смысл, подобно снам и предсказаниям. Вот чем объясняется тот факт, что одни и те же термины обозначают и сверхъестественную сущность того, что представляется странным и необычайным, и тех предков или культурных героев, которыми заполнены мифы дикарей».

Ярко и неопровержимо вскрывает материал, сгруппированный Леви-Брюлем, несостоятельность попыток культурно-исторической школы, возглавляемой патером Шмидтом, обнаружить у дикарей следы какого бы то ни было прамотеизма.

Проделанный Леви-Брюлем анализ материала об австралийцах и папуасах, о неграх и индейцах, которым оперирует и Шмидт, обнаруживает всю фиктивность построений ученого патера о божественном «праоткровении» у дикарей и варваров. Католические и просто поповствующие религиоведы недаром в штыки встречают каждую новую работу Леви-Брюля. В качестве примера достаточно привести тот факт, что в 1927 г. Оливье Леруа, опираясь на содействие Пинар-де-ля-Булле, Копперса, Трилля и других столпов католического «религиоведения», опубликовал своего рода «Анти-Леви-Брюля»¹.

Если от поповской теории прамотеизма этнографический материал, сгруппированный Леви-Брюлем, не оставляет камня на камне, то и целый ряд других теорий, относящихся к проблеме происхождения религии и ее первоначального развития, получает совершенно новое освещение в результате анализа верований и обрядов, данного в двух последних работах Леви-Брюля. Прежде всего, Леви-Брюль с достаточной убедительностью показывает, что интенсивность веры в сверхъестественный мир тем больше и сфера ее проявления тем шире, чем глубже мы уходим назад, к истокам религии. Если эволюционисты склонны были изображать процесс возникновения и развития религии, как процесс нарастания и усложнения религиозных настроений

¹ O. Leroi—La raison primitive. Essai de réfutation de la théorie du prélogisme.